

Старогородцева П. Е.

ORCID ID: 0000-0002-4356-4282

*Уральский государственный педагогический
университет (Екатеринбург, Россия)*

E-mail: polina.starogorodceva@mail.ru

УДК 821.161.1-31 (Достоевский Ф. М.)

DOI: 10.12345/2306-7462_2021_01_02

«ХОЗЯЙКА» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО: К ПРОБЛЕМЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МЕТОДА ПОВЕСТИ

Аннотация. Статья посвящена проблеме изучения повести Ф. М. Достоевского «Хозяйка» (1847), выбивающейся из общего идейно-художественного ряда раннего творчества писателя. В. Г. Белинский, первоначально высоко оценивший литературный дебют Достоевского — эпистолярный роман «Бедные люди», увидел в повести отступление от реалистических традиций натуральной школы («Взгляд на русскую литературу 1847 года»). Преимущественный интерес к внутреннему миру человека, внимание к его сложной противоречивой психике свидетельствовали о несовпадении пути молодого писателя с тем магистральным направлением (вслед за Гоголем), которое определяло движение русской литературы 1840-х гг. Поэтому проблема художественного метода в осмыслении «Хозяйки» со времён Белинского стала центральной в литературоведении. Новые аспекты изучения, появляющиеся в современном достоевковедении (отражение в повести религиозно-философских исканий писателя, своеобразии сюжетной организации, специфика повествования и стилевые особенности и др.), так или иначе связаны с проблемой метода, по-прежнему привлекающей внимание исследователей. В статье рассматриваются разные точки зрения на проблему художественного метода повести, представленные в литературоведении, как советском, так и новейшем. Делается вывод о необходимости дальнейшего изучения повести Достоевского «Хозяйка», ее места и значения в творческой эволюции писателя.

Ключевые слова: повести; художественный метод; романтизм; сентиментализм; реализм; русская литература; русские писатели; литературное творчество; литературные жанры; литературные сюжеты.

Starogrodceva P. E.

Yekaterinburg, Russia

“THE MISTRESS” BY F. M. DOSTOEVSKY: ON THE PROBLEM OF THE ARTISTIC METHOD OF THE STORY

Abstract. The article is devoted to the problem of studying the story by FM Dostoevsky “The Mistress” (1847), which stands out from the general ideological and artistic series of the writer’s early creative work. V. G. Belinsky, who initially highly appreciated Dostoevsky’s literary debut, the epistolary novel «Poor People», saw in the story a deviation from the realistic traditions of the natural school (“A Look at Russian Literature of 1847”). The predominant interest in the inner world of a person, attention to his complex contradictory psyche testified to the discrepancy between the path of the young writer and the main line direction (after Gogol) that determined the movement of Russian literature in the 40s. Therefore, the problem of the artistic method in comprehension “The Mistress” has become central in literary criticism since the time of Belinsky. New aspects of the study that appear in modern research on Dostoevsky (the reflection in the story of the writer’s religious and philosophical quests, the originality of the plot organization, the specificity of the narrative and stylistic features, etc.) anyway are connected with the problem of the method, which continues to attract the attention of researchers. The article discusses different points of view on the problem of the artistic method of the story presented in literary criticism, both Soviet and recent. The conclusion is made about the need for further study of Dostoevsky’s story “The Mistress”, its place and significance in the creative evolution of the writer.

Keywords: story; artistic method; romanticism; sentimentalism; realism; Russian literature; Russian writers; literary creativity; literary genres; literary plots.

«Хозяйка» — самое противоречивое произведение раннего периода творчества Ф. М. Достоевского, до сих пор остающееся в центре внимания исследователей. Первоначальная оценка произведения была дана В. Г. Белинским, назвавшим молодого писателя «вторым Гоголем» после публикации эпистолярного романа «Бедные люди». Однако возложенные на Достоевского надежды — быть продолжателем гоголевских традиций реализма — рухнули. «Нам... показалось,

что автор хотел попытаться помирить Марлинского с Гофманом, подболтавши сюда немного юмору в новейшем роде и сильно натеревши все это лаком русской народности. <...> Во всей этой повести нет ни одного простого и живого слова или выражения: все изысканно, натянуто, на ходулях, поддельно и фальшиво», — писал о «Хозяйке» критик в статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» [Белинский 1956: 351]. Близкое окружение Белинского увидело в повести отход Достоевского от реализма натуральной школы, от демократического гуманизма. Болезненная фантастика и неясные образы «Хозяйки», напоминающие современникам о, казалось бы, уже изжитом к 1840-м гг. романтизме, были встречены, мягко говоря, неоднозначно.

Повесть Ф. М. Достоевского «Хозяйка» получала неоднозначные оценки и в советском литературоведении. Одни исследователи обходили повесть стороной, не оставляя никаких комментариев, другие — были немногословны и сдержанны в своих оценках и суждениях, третьи, вслед за критикой, именовали повесть полным провалом, признаком исчерпанности таланта, механическим следованием большой фантазии писателя. Неоднозначность в оценке «Хозяйки» проявляется, прежде всего, в понимании природы художественного метода повести. Рассмотрим наиболее значимые точки зрения, касающиеся интересующей нас проблемы.

К. В. Мочульский, автор работы о Достоевском 1947 г., изданной в Париже, один из немногих исследователей, попытавшийся непредвзято, чем грешило литературоведение 1940–1960-х гг., подойти к оценке повести «Хозяйка». По мнению исследователя, для понимания повести важен опыт публицистической работы Достоевского-фельетониста в 1840-е гг., который помог ему найти новую тему — тему мечтательства. Мочульский отмечает, что романтическое эмоциональное звучание было вообще характерно для произведений писателя 1840-х гг., посвященных образу мечтателя. «В пределах поэтики натуральной школы тема мечтательности связалась с образом “бедного чиновника”, и снизилась до мрачно-комического гротеска (Голядкин, Прохарчин)...», — утверждает исследователь. «Достоевскому нужно было вернуться к романтической традиции, чтобы выявить её возвышенно-поэтический аспект» [Мочульский 1995: 35]¹. По мнению Мочульского, лишь романтические принципы изображения позволяли воплотить

¹ Здесь и далее курсив в цитатах наш. — П. С.

замысел писателя: раскрыть психологический аспект темы «мечтательства», разрешить глобальные вопросы бытия через показ столкновения мечтателя с реальной действительностью.

Особое внимание Мочульский уделяет воздействию на Достоевского романтических повестей Н. В. Гоголя: «“Хозяйка” написана под прямым влиянием “Страшной мести”» [Там же: 36]. Принципиальным же отличием «Хозяйки» от гоголевских повестей, считает исследователь, является психологическое раскрытие образов и идейная значимость произведения: «И Ордынов, и Катерина в разных планах воплощают единую тему о “слабом сердце”» [Там же: 37]. Таким образом, обращение Достоевского в период создания «Хозяйки» к романтическим принципам изображения, полагает Мочульский, было закономерным и необходимым. Тему «слабого сердца», романтического «мечтательства» Достоевский будет и дальше развивать в своем творчестве, однако уже в рамках реалистического метода, не прибегая больше к фантастике и романтическим канонам.

Интересные наблюдения и выводы К. В. Мочульского, к сожалению, не были востребованы советским литературоведением. И, можно сказать, что советские достоевскоеды, испытывая воздействие идеологии того времени, в изучении повести долгое время придерживались оценок, сформулированных еще критикой XIX в.

Так, Д. И. Заславский поддержал резкое осуждение повести Белинским. Литературовед считает справедливым мнение критика: «не оправданный действительностью вымысел наносит *ущерб художественности произведения*». Правда, литературовед отметил интересную разработку некоторых характеров в «Хозяйке», особенно героини: «Оригинален образ больной Катерины. В ее страстном метании между двумя любовниками есть зерно “инферральности” многих позднейших героинь Достоевского». И, тем не менее, приходит к выводу Заславский, повесть «отбрасывала Достоевского назад, к *лживой романтике заурядных писателей, осмеянных Белинским*» [Заславский 1956: 43].

В. Я. Кирпотин прямо заявляет: «“Хозяйка” не реалистическая повесть, она совершенно откровенно следует романтическим канонам». Образный мир повести, считает литературовед, «лишь отталкивается от действительности, чтобы почти целиком уйти в мир таинственных видений, в мир сгущенных *романтических переживаний и необычайных романтических происшествий...*» [Кирпотин 1960: 299]. Основной замысел произведения — «утвердить значение

действительности в борьбе за идеал при помощи фантастического сюжета, — настаивает Кирпотин, — был порочен и не мог удалиться» [Там же: 307]. Резко противоположная ранней манере писателя повесть была болезненной попыткой отыскать оригинальный стиль, которая не оправдалась, заключает исследователь.

Обращение Достоевского в 1840-х гг. к традициям романтизма несомненно и для Г. М. Фридендера. Как и другие советские исследователи, в повести «Хозяйка», по мнению Фридендера, писатель потерпел «идейное и художественное поражение». Тема народа, тема «психологического столкновения “хищного” и “кроткого” характера» разработаны неудачно, романтически условны» [Фридендер 1964: 361]. При этом Фридендер не отрицает наличия в «Хозяйке» положительного начала, а именно: разработку темы «слабого сердца», «мечтательства», — видя в этом одно из центральных философско-психологических обобщений всего последующего творчества Достоевского.

Иначе понимает метод повести В. И. Кулешов — как синтез реализма и романтизма. Общие сюжетные особенности, образ бедного студента, атмосфера Петербурга — все это свойственно натуральной школе, напоминает исследователь. Однако, подчёркивает Кулешов, уже на примере первых опытов писатель заявлял, что «“среда” не всеильна над человеком» [Кулешов 1984: 6]. Кулешов отмечает постановку в «Хозяйке» новых, в сравнении с натуральной школой, проблем: «...из углов, из канцелярий выходят герои Достоевского на простор решения *самых коренных вопросов бытия*». Соглашаясь с Белинским насчет «искусственного соединения гофмановщины, марлинщины и псевдорусского духа...» [Там же: 46], Кулешов в то же время считает «Хозяйку» шагом в сторону расширения творческих масштабов Достоевского в плане приёмов изображения психологии человека, «полифонизма», «двойничества», «подполья».

В отличие от других исследователей, В. С. Нечаева сосредоточивает свое внимание на том, что Белинский пренебрежительно назвал «лаком русской народности»: речь идет о персонификации национального самосознания, русской души в образе сказочной, фольклорной Катерины, «околдованной мрачным наследием старины в лице Мурина». Отмечается и разработка образа героя-мечтателя Ордынова. «Мечтатели, созданные Достоевским до “Неточки Незвановой”, не могли бы хронологически определить срок своего увлечения мечтами: оно поглощало их полностью и вело или к гибели через

полный разрыв с действительностью, или к гибели без борьбы — *от столкновения с ней*» [Нечаева 1979: 226]. Идеино-эстетический, образный план «Хозяйки», в трактовке Нечаевой, отвечает принципам романтизма.

Исследуя вопрос о художественном методе «Хозяйки», Г. К. Щенников пишет: несмотря на причастность к «натуральной школе», в которой утверждалась ценность «обыкновенного, заурядного человека, показанного объективно, без выдумки», Достоевский искал характеры редкие «фантастические», удивляя критику своим оригинальным стилем. Романтические взгляды, считает исследователь, всегда были присущи писателю. Замкнутость в себе героя мечтателя, отчужденность его от реальной действительности, погружение в собственную идею, заполняющую все существование, — всё это свойственно Василию Ордынову как романтическому герою. Литературовед полагает, что у героев Достоевского романтическое отчуждение от жизни проявляется в различных формах: «Либо это уход человека в свою мечту, идею, свой “образ мира” — такое происходит с Ордыновым. <...> Либо злобное противопоставление себя людям, самоутверждение путем духовного насилия над слабым существом, чаще всего женщиной — у Мурина...» [Щенников 1987: 41]. Следовательно, по мнению Щенникова, романтические традиции обнаруживаются в повести «Хозяйка» со всей очевидностью.

Э. М. Жилиякова, в отличие от К. В. Мочульского, В. Я. Кирпотина, Г. К. Щенникова, делает акцент на особой роли традиций не романтизма, но сентиментализма, находящихся в сложной связи с романтическими тенденциями, что и способствовало формированию особого художественного метода «Хозяйки». Э. М. Жилиякову, как и В. С. Нечаеву, интересует проблема народности, национальной стихии, как они выразились в повести. Пафос народного духа принимает здесь особую форму, считает литературовед. Предшественники Достоевского, прибегая к теме национального, напоминает Жилиякова, пользовались теми традициями, которые ввел в литературный обиход Н. М. Карамзин (в частности, которые были воплощены в повести «Наталья, боярская дочь»). Конкретную же связь именно «Хозяйки» и повести Карамзина литературовед находит в образах главных героев: Ордынова и Катерины, в основных сюжетных поворотах, речевых особенностях персонажей, национальном колорите и др. Встраивание же в повествовательный пласт снов героя, болезненного бреда — прием романтизма. «Повесть, —

пишет Жилиякова, — предвещает глубокий интерес к проблемам национальной самобытности и народного самосознания. «Хозяйка» готовила будущего автора “Записок из Мертвого дома” и последующих романов к *пониманию судьбы героя в сопряжении с духовной жизнью всего народа*» [Жилиякова 1987: 178].

На основании рассмотренных нами работ советского литературоведения, посвященных в той или иной мере вопросам изучения «Хозяйки», можно сделать вывод о том, что повесть представляла для исследователей особый научный интерес, так как была на фоне предыдущего и последующего творчества Ф. М. Достоевского почти экспериментальным произведением, занимая особое место в контексте раннего творчества писателя. Важным, нашей точки зрения, является постепенно утверждающееся в советском литературоведении понимание значимости повести «Хозяйка» для дальнейшего творчества Ф. М. Достоевского.

Несмотря на то, что многие спорные вопросы изучения «Хозяйки» были освещены в работах советского литературоведения, повесть до сих пор интересует исследователей.

Так, в современном учебном пособии под редакцией В. И. Корвина (автор главы, посвященной творчеству Ф. М. Достоевского, — Е. Г. Чернышева) сделан акцент на значении повести «Хозяйка» и её месте в контексте начального этапа творческого пути писателя: «...с течением времени стало ясно: повесть продемонстрировала новаторский подход к известным в литературе и фольклоре способам моделирования художественной реальности и обогатила идейный корпус произведений раннего Достоевского». С точки зрения Е. Г. Чернышевой, «романтическим внутренним настроением объясняется тот факт, что мотив сна (грезы, видения), присущий поэтике романтизма, остаётся ведущим конструктивным элементом в “Хозяйке”» [История русской литературы 2005: 275]. Всё это действительно уводило Достоевского от магистрального направления развития литературы 1840-х гг., определяя особое положение в ней автора «Хозяйки». Но этот «отход» был необходим для молодого писателя, ищущего свой путь в литературе. Такой вывод можно сделать, с нашей точки зрения, из анализа повести Достоевского, выполненного Е. Г. Чернышевой.

В последние годы повесть «Хозяйка» неоднократно становилась предметом изучения в статьях, авторы которых предлагают новые аспекты в её осмыслении.

Так, статья А. А. Бахасовой посвящена «мотиву покаяния» в раннем творчестве Ф. М. Достоевского, точнее в эпистолярном романе «Бедные люди» и повести «Хозяйка». Автор статьи рассматривает «покаяние» не в аспекте «богословской категории», а как неотъемлемую составляющую жизни людей, осмысляющуюся с эстетической и философской точек зрения. Это выразилось в творчестве Достоевского, считает Бахасова, в «исповедальной манере повествования». «Хозяйка» интересна тем, что, несмотря на наличие «покаянных мотивов», в ней не используется форма повествования от первого лица, которая была характерна, например, для «Бедных людей». «Повествование здесь строится от лица вымышленного героя, однако текст содержит в себе несколько потенциальных исповедей. Таким образом, автор создает повествовательную конструкцию “*исповедь в исповеди*”» [Бахасова 2007]. Особенности сюжетного и нарративного устройства повести подтверждают в очередной раз, по мысли А. А. Бахасовой, значимость «Хозяйки» как «первого шага» к новому этапу в творчестве писателя. Достоевский использует в ней новые приемы, которые затем разовьются и усовершенствуются в более зрелых произведениях.

Продолжая тему религиозно-философских исканий Достоевского в 1840-е гг., И. И. Евлампиев в своей статье, посвященной «Хозяйке», отмечает, что в повести «писатель попытался наметить совершенно новые перспективы для своего творчества; многие темы, сюжеты и персонажи его последующего творчества угадываются в новом сочинении». Называя повесть «экспериментальной», первым опытом религиозно-философских исканий в творчестве Достоевского, исследователь, несмотря на ее резкий контраст с другими произведениями раннего творчества, полагает, что она оказалась необходимым этапом в формировании оригинального стиля писателя [Евлампиев 2009].

Внимание О. А. Богдановой обращено к стилевым особенностям «Хозяйки». Литературовед указывает на разнородность стилистических пластов в «Хозяйке»: «“Мечтательная” часть, в отличие от натуралистического обрамления, написана романтически-возвышенным, поэтическим слогом, с обилием тропов-штампов, приобретающих чуть ли не пародийное звучание: “исступленное упоение”, “сладостные муки”, “трепетный блеск” <...> и т.д.» [Богданова 2012: 5]. Середина «Хозяйки», написанная «в духе романтических традиций» (тема одиночества главного героя, его отчужденность

от внешнего мира, экзальтация чувств персонажей; фантастический колорит пространства, словно данный через призму восприятия «мечтателя»), выделяется на фоне реалистического начала и конца «Хозяйки» с описанием углов, бедности, образа Ордынова как человека, не приспособленного к жизни в реальной действительности. Так, сочетание реалистических и романтических принципов изображения обуславливают своеобразие стилиевой палитры повести Достоевского.

Итак, современные исследователи, анализируя повесть «Хозяйка», обращаются к тем же вопросам, что и представители советского литературоведения, но решает их по-новому. Так, проблема народности освещается в религиозно-философском аспекте, что, в свою очередь, позволяет по-новому осветить образы героев повести, пересмотреть существующие трактовки их характеров: действительно ли Катерина — «слабое сердце»; «абсолютный» ли злодей Мурин (И. И. Евлампиев); какова истинная природа мечтательности Ордынова (О. А. Богданова). Пожалуй, впервые обращено внимание на «мотив покаяния» в «Хозяйке», определяющий особую композицию повести — «исповедь в исповеди» (А. А. Бахаева).

Наблюдения современных исследователей уточняют существующее представление о «Хозяйке», способствуя более глубокому пониманию повести и ее места в раннем творчестве Ф. М. Достоевского. Однако остающиеся спорные аспекты, касающиеся, прежде всего, природы художественного метода повести, свидетельствуют о необходимости ее дальнейшего изучения в контексте творческой эволюции писателя.

ЛИТЕРАТУРА

Бахаева А. А. Мотив покаяния в раннем творчестве Ф. М. Достоевского («Бедные люди», «Хозяйка») // Филология и человек. 2007. № 1. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motiv-rokayaniya-v-rannem-tvorchestve-f-m-dostoevskogo-bednye-lyudi-hozyauka> (дата обращения: 13.06.2020).

Белинский В. Г. Взгляд на русскую литературу 1847 года // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 10. С. 279–359.

Богданова О. А. Синергичная антропология как продуктивный метод литературоведческого анализа (на примере повести Ф. М. Достоевского

«Хозяйка» // Новый филологический вестник. 2012. № 1 (20). [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sinergiynaya-antropologiya-kak-produktivnyy-metod-literaturovedcheskogo-analiza-na-primere-povesti-f-m-dostoevskogo-hozyayka> (дата обращения: 13.06.2020).

Евламтеев И. И. Первый опыт религиозно-философских исканий в творчестве Ф. Достоевского (повесть «Хозяйка») // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2009. № 2 (6).

Жилякова Э. М. Традиции сентиментализма в творчестве раннего Достоевского. Томск: Изд-во ТГУ, 1987. 272 с.

Заславский Д. И. Ф. М. Достоевский: критико-биографический очерк. М.: Худож. лит., 1956. 80 с.

Кирпотин В. Я. Ф. М. Достоевский: Творческий путь (1821–1859). М.: ГИХЛ, 1960. 607 с.

История русской литературы XIX века учеб. пособие: в 3 ч. / под ред. В. И. Коровина. М.: Владос, 2005. Ч. 3: (1870–1890 годы). 543 с.

Кулешов В. И. Жизнь и творчество Ф. М. Достоевского. М.: Дет. лит., 1984. 208 с.

Мочульский К. В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М.: Республика, 1995. 563 с.

Нечаева В. С. Ранний Достоевский (1821–1849). М.: Наука, 1979. 288 с.

Фридендер Г. М. Реализм Достоевского. М.: Наука, 1964. 404 с.

Щенников Г. К. Достоевский и русский реализм. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. 349 с.

REFERENCES

Bakhaeva A. A. Motiv pokayaniya v rannem tvorchestve F. M. Dostoevskogo (“Bednye lyudi”, “Khozyayka”) // Filologiya i chelovek. 2007. № 1. [Available from] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motiv-pokayaniya-v-rannem-tvorchestve-f-m-dostoevskogo-bednye-lyudi-hozyayka> (accessed: 13.06.2020).

Belinskiy V. G. Vzgl'yad na russkuyu literaturu 1847 goda // Belinskiy V. G. Poln. sobr. soch.: v 13 t. М.: Izd-vo AN SSSR, 1956. Т. 10. S. 279–359.

Bogdanova O. A. Sinergiynaya antropologiya kak produktivnyy metod literaturovedcheskogo analiza (na primere povesti F. M. Dostoevskogo

“Khozyayka”) // *Novyy filologicheskiy vestnik*. 2012. № 1 (20). [Available from] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sinergiynaya-antropologiya-kak-produktivnyy-metod-literaturovedcheskogo-analiza-na-primere-povesti-f-m-dostoevskogo-hozyayka> (accessed: 13.06.2020).

Evlampiev I. I. Pervyy opyt religiozno-filosofskikh iskanii v tvorchestve F. Dostoevskogo (povest' “Khozyayka”) // *Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Seriya “Filosofiya. Filologiya”*. 2009. № 2 (6).

Zhilyakova E. M. Traditsii sentimentalizma v tvorchestve rannego Dostoevskogo. Tomsk: Izd-vo TGU, 1987. 272 s.

Zaslavskiy D. I. F. M. Dostoevskiy: kritiko-biograficheskiy ocherk. M.: Khudozh. lit., 1956. 80 s.

Kirpotin V. Ya. F. M. Dostoevskiy: Tvorcheskii put' (1821–1859). M.: GIKhL, 1960. 07 s.

Istoriya russkoy literatury XIX veka ucheb. posobie: v 3 ch./pod red. V. I. Korovina. M.: Vlados, 2005. Ch. 3: (1870–1890 gody). 543 s.

Kuleshov V. I. Zhizn' i tvorchestvo F. M. Dostoevskogo. M.: Det. lit., 1984. 208 s.

Mochul'skiy K. V. Gogol'. Solov'ev. Dostoevskiy. M.: Respublika, 1995. 563 s.

Nechaeva V. S. Ranniy Dostoevskiy (1821–1849). M.: Nauka, 1979. 288 s.

Fridlender G. M. Realizm Dostoevskogo. M.: Nauka, 1964. 404 s.

Shchennikov G. K. Dostoevskiy i russkiy realizm. Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta, 1987. 349 s.

Научный руководитель: Ермоленко С. И., д.ф.н., проф. кафедры литературы и методики ее преподавания УрГПУ.

Данные об авторе

Старогородцева Полина Евгеньевна — студент 3 курса Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: polina.starogorodceva@mail.ru

Author's information

Starogorodceva Polina Evgenievna — student of the Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia.

E-mail: polina.starogorodceva@mail.ru

8 919 389 03 79